

Т.В. Марченко

«Я ВОЗВРАЩАЮ СЕБЕ РОССИЮ...
Я ВИЖУ ЕЕ, Я СЛЫШУ ЕЕ»:

Историко-документальная выставка и круглый стол,
посвященные И.С. Шмелеву

«Влечет, уводит в родную стихию... — признавался И.С. Шмелев в 1944 г., — я возвращаю себе Россию... я вижу ее, я слышу ее». Слова писателя стали лейтмотивом историко-документальной выставки по материалам его парижского архива. Сохраненный племянницей Шмелева Ю.А. Кутыриной, архив был передан в 2000 г. в Российский фонд культуры ее сыном, внучатым племянником писателя Ивистионом Жантийомом-Кутыриным¹. В 2014 г. архив обрел новый адрес — Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Полностью основанная на материалах из архива одного из классиков русской литературы XX в., выставка открылась в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына 1 июня 2015 г. Духов день, зеленые святки, канун дня рождения Пушкина — знаковые дни для Ивана Шмелева, мифотворца, создавшего одухотворенный образ православной Руси через поэзию быта, повседневной, давно прошедшей и оттого кажущейся такой милой жизни «на Москве».

Выставку, приуроченную к 65-летию со дня кончины писателя, предварил круглый стол, посвященный проблемам изучения и издания творческого наследия «наирусейшего» (И.А. Ильин) писателя эмиграции.

Инициатором проведения научной дискуссии выступила Т.В. Марченко, научный руководитель и один из авторов проекта по созданию выставки. Работа с архивом, сквозной просмотр едва ли не всех единиц его хранения позволили Т.В. Марченко обозначить узловые проблемы современного шмелеведения. Его фундаментом является архив писателя, который нуждается в дальнейшей научной обработке, составлении каталога, создании электронной (страховой) копии документов, а также в цифровом, виртуальном объединении с другими частями

¹ Ив (Ивистион Андреевич) Жантийом-Кутырин (Gentilhomme; 1920–2016) — сын Юлии Александровны Кутыриной (1891–1979), племянницы и первой хранительницы архива И.С. Шмелева, певицы и сказительницы, ушел из жизни на 97-м году в августе 2016 г. Математик, лингвист, преподававший в Безансонском университете (Франция), Ив Жантийом выполнил завещание своего крестного отца, «дяди Вани», передав на родину его архив и оказав содействие в перезахоронении праха писателя в 2000 г. в семейной усыпальнице Шмелевых на Донском кладбище в Москве. Автор мемуарной книги «Мой дядя Ваня» ([Жантийом 2001]; см. также [Жантийом 2011]) искренне хотел, как сформулировал это в очерке in memoriam В. Леонидов, «чтобы наследие Шмелева прежде всего служило России, чтобы издавались произведения писателя, а его творчество помогало всем, кто считает себя русским и помнит, кто он и откуда родом» (см.: <http://www.bfrz.ru/?mod=news&id=2552>).

богатейшего архивного наследия писателя, хранящимися — и это редкость для писателя-эмигранта — тоже в Москве, в частности в РГБ и в РГАЛИ.

Об архивных изысканиях и находках говорили многие участники круглого стола, среди которых доминировали исследователи из ИМЛИ им. А.М. Горького РАН и ДРЗ. Сенсационных сообщений не прозвучало, однако были представлены извлеченные из различных архивов сюжеты (Н.В. Белевцева, Е.Н. Никитин, О.К. Землякова), поставлена проблема создания современной шмелевской библиографии (конструктивный обмен мнениями О.В. Быстровой и Н.А. Егоровой), затронуты вопросы поэтики Шмелева (Ю.Н. Каскина) и эдиционные принципы (Т.Т. Давыдова). Истории взаимоотношений «двух Иванов» — И.С. Шмелева и И.А. Ильина — коснулся Н.И. Герасимов, поведавший немало любопытного и поучительного о маргиналиях, оставленных в книгах писателя рукой философа (чей архив и книжное собрание переданы на хранение в научную библиотеку МГУ им. М.В. Ломоносова).

Впрочем, тема издания научного собрания сочинений И.С. Шмелева так или иначе звучала во всех выступлениях, ремарках и репликах. Л.А. Спиридонова, крупнейший исследователь русской литературы начала XX в., автор многих монографий о М. Горьком и о писателях русского зарубежья, инициатор и организатор Шмелевских чтений, проходящих раз в два года в ИМЛИ, пришла на круглый стол со своей новой книгой [Спиридонова 2014] и с давно обдуманной идеей создания собрания сочинений писателя. Именно издание верифицированных, откомментированных текстов Шмелева должно ознаменовать собой следующий этап научного шмелеведения. Выступления Л.Ю. Суrowsкой, известной как публикациями текстов Шмелева, так и исследованиями о жизни и творчестве писателя (ее итоговый «Творческий портрет И.С. Шмелева» вышел из печати через год после описываемых событий, см. [Суrowsкая 2016]), ее замечания и уточнения по ряду сообщений продемонстрировали готовность современного шмелеведения к осуществлению такого собрания сочинений. Однако конкретных вопросов, связанных с подобным изданием, прежде всего в области текстологии и комментирования, накопилось так много, что участники круглого стола согласились с идеей проводить регулярные рабочие встречи «шмелеведов», семинары, посвященные узкоспециальным, более частным вопросам.

Особый интерес вызвало выступление Нины Окуневой-Герра. Нина и Филиппе Герра (Guerra) — переводчики русской литературы на португальский язык, недавно ими осуществлен перевод «Солнца мертвых» И.С. Шмелева [Guerra 2015]. Будучи филологами, носителями русского языка и знатоками португальского, они работают над переводами совместно, «миллион раз все проверяют», по признанию Нины. Португалия, однако, страна маленькая, знакомство с русской литературой очень слабое, и если интеллектуалы читают кого-то кроме Толстого и Достоевского, то в переводах на французский или английский языки. В стране незнакомы даже с творчеством Пушкина, и, конечно, издать никому не известного Шмелева там не просто. Возникают и вовсе не литературные проблемы, и не только в связи с книгой Шмелева, действие которой происходит в Крыму: свежий переводческий проект супругов Герра — «Севастопольские рассказы» Толстого — тоже натолкнулся на известное идеологическое сопротивление.

Завершился круглый стол двумя выступлениями, тесно связанными с выставкой «Я возвращаю себе Россию». Е.Н. Чавчавадзе (Российский фонд культуры) в ярко эмоциональной манере увлекла слушателей — а среди них было немало студентов-филологов — рассказом об обретении Россией архива писателя-изгнанника, и в этом захватывающем повествовании почти сказочно, но в действительности огромным усилием воли многих людей преодолевались все трудности и все препятствия. В.П. Цыганник, возглавляющий литературно-мемориальный музей Шмелева (собственно, филиал Литературно-мемориального музея С.Н. Сергеева-Ценского) в крымской Алуште, напротив, говорил о трудностях еще не преодоленных. Главная из них — это «дача» писателя, владельцы которой долго не хотели с ней расставаться, а теперь домик находится в аварийном состоянии, и требуется еще немало хлопот и трудов по воплощению мемориала писателя в стенах, с которыми связаны самые трагические годы в его жизни и действие эпопеи «Солнце мертвых».

Открывая выставку, директор Дома русского зарубежья им. А. Солженицына В.А. Москвин подчеркнул главное: много спорят о том, быть или не быть Музею русской эмиграции и каким ему быть, но экспозиция, развернутая в выставочном зале ДРЗ, безусловно, стала прообразом будущего музея. На выставке есть все — документы и личные вещи писателя (отреставрированные уже в Доме русского зарубежья), фотографии, книги, иконы, но главное — контент выставки вобрал в себя и художественное слово Шмелева, и голоса русского зарубежья.

Лица на фотографических карточках, строки на пожелтевшей, обветшавшей бумаге — чернильные, карандашные, машинописные... Выставка была обращена к жизни писателя в эмиграции. В 1922 г. он покинул родину, обосновался во Франции, жил в Париже, а летом на Атлантическом побережье. После кончины жены в 1936 г. совершил несколько литературных турне. На выставке экспонировались фотографии и документы из архива писателя, его личные вещи, книги и периодика русского зарубежья. Широко и разнообразно была представлена обширная и многообразная корреспонденция Шмелева, письма к которому приходили со всего мира. Представители РПЦЗ, богословы и философы, писатели и критики, в том числе иностранные, редакторы и издатели — весь спектр интеллектуально-духовной, литературной жизни русского зарубежья раскрывается в документальном наследии И.С. Шмелева. Но чем особенно оказался богат шмелевский архив и что хотелось представить максимально репрезентативно, это письма читателей — восторженных, благодарных, осчастливленных на чужбине теплыми, родными образами книг Шмелева.

И разумеется, фотографии: из Парижа и его окрестностей, из Кап-Бретона и с берегов Гауи, из гостеприимной усадьбы семейства Климовых под Ригой... Символом выставки, ее визитной карточкой стал подсолнух — огромный подсолнух перед окном скромной дачки под Парижем. Тянется чуть не до крыши, и вместе с ним, прорастающим из чужой земли, прорастают в памяти писателя воспоминания о былых временах, о хлебосольной, богомольной Москве, ее удивительных жителях, строителях и созидателях, грешниках и праведниках, о той Руси, которой, может быть, никогда и не было, но которая запечатлена на страницах книг

Ивана Шмелева как светлый сон, как молитва о прошлом и чудесная вера в будущее. От самых корней родной почвы прорастает творчество Шмелева и, словно подсолнух, повернуто к небесам, к солнцу. Писателю довелось видеть и черное солнце, солнце мертвых, пройти трудными, порой трагическими путями земными. Живые подсолнухи, специально заказанные в соседней цветочной лавке, озарили зал с низкими сводами в день открытия выставки.

Открытие широко освещала пресса, сюжеты появились в программе «Вести» телеканала «Россия 2» и в новостях на телеканале «Культура». Благодаря широкой информационной поддержке о выставке узнали буквально по всей России, что отразилось и на посещении посвященной Шмелеву экспозиции — не только москвичами, но и гостями столицы. «Ваше вдохновенное слово заставляет нас, русских за рубежом, возвращаться к тому, что, казалось, в нас уже заглохло, — к чувству полноты бытия с его звуками и красками и снова ощущать любовь к жизни». Эти слова Е.А. Ляцкого (из экспонированного письма писателю от 19 июля 1937 г.) давно уже понятны и близки отечественным читателям книг Шмелева, а в литературоведческий обиход прочно вошел топоним «шмелевская Москва».

Еще одним прикосновением к Шмелеву, его судьбе и творчеству стал для собравшихся 1 июня в ДРЗ документальный фильм А. Судилова «Пути земные» (2008). Его показ сопровождал работу выставки, которая продлилась до 7 августа и оказалась самой посещаемой — и это не удивительно! — среди экспозиций и выставок Дома русского зарубежья.

Авторами и создателями выставки, не уступающей по количеству и ценности представленных раритетов и по продуманному дизайну лучшим экспозициям литературно-мемориальных музеев, стали Т.В. Марченко (ею были написаны и все сопроводительные тексты), О.В. Соколова, О.Е. Тесленко, а также Е.Б. Лазукова (художник) и Е.В. Кривцова (музыкальное оформление). Татьяна Марченко провела экскурсию по выставке — для сотрудников Дома русского зарубежья, а потом и для заинтересованных посетителей, почитателей творчества Ивана Шмелева и его сытной и пьяной, великопостной и пасхальной, праздничной, «красно украшенной», разгульной и богомольной Москвы, увиденной из «прекрасного далека» и пронизанной острой ностальгией.

В сентябре 2015 г. копиями вариант выставки «Я возвращаю себе Россию», подготовленный С.Ю. Урбан и Д.А. Жмылевой, был передан В.А. Москвиным в Алуштинский музей. В Профессорском уголке, где до сих пор цела шмелевская «дача», Международные Шмелевские чтения впервые прошли при активном участии Дома русского зарубежья. Привычный для Шмелева земной путь, из Москвы в Крым; символические «пути небесные», возвращение — русского писателя в Крым, Крыма — в Россию.

Литература

Жантийом 2001 — *Жантийом И.* Мой дядя Ваня. Воспоминания об Иване Шмелеве. Письма Ивана Шмелева Иву Жантийому-Кутырину. М.: Российский фонд культуры: Изд-во Сретенского монастыря, 2001. 128 с.

- Жантйом 2011 — *Жантйом-Кутырин И.* Мой крестный: воспоминания об Иване Шмелеве. Письма И. Шмелева / сост. Е.Н. Чавчавадзе, О.Н. Шотова, Л.Ю. Суrowова. М.: Российский фонд культуры: Изд-во им. Сабашниковых, 2011. 174 с.
- Спиридонова 2014 — *Спиридонова Л.А.* Художественный мир И.С. Шмелева. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 237 с.
- Суrowова 2016 — *Суrowова Л.Ю.* Творческий портрет И.С. Шмелева // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: в 3 т. Т. 1, кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2016.
- Guerra 2015 — *Chmeliov I.* O sol dos mortos / trad., introd. e notas Nina Guerra, Filipe Guerra; rev. Inês Ribeiro. Lisboa: Relógio d'Água, 2015. 254 p.

Т.В. Марченко

ХОЖДЕНИЕ ПО РАСКАЛЕННЫМ УГЛЯМ,
ИЛИ ИСКУССТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ПЕРЕВОДАХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ

5–6 октября в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына, в рамках Года литературы, состоялся международный литературный форум «Литература русского зарубежья: прошлое и настоящее». Идея форума была неожиданной даже для его участников, но оказалась необычайно конструктивной: на заседаниях, которым было решено придать более непринужденный и рабочий формат мастерских (workshops), своим опытом по переводу и изданию литературного наследия русской эмиграции обменивались переводчики из разных стран — Франции, Австрии, Швейцарии, Италии, Сербии, Турции, Польши. Их сообщения с рассказом о трудностях и обретениях при воссоздании русского оригинала средствами родного языка перемежались докладами литературоведов, специалистов по литературе русского рассеяния. Замечательно, что переводчик и исследователь часто совпадали в одном лице: так, профессор Севинч Учгюль из Эрджиевского университета (Кайсери, Турция) представила книгу И. Лукаша «Голое поле» — трагическая сага о белой армии в Галлиполи вышла в ее переводе на турецкий язык за две недели до московского форума. Поскольку речь шла о зарубежье, то среди поднятых вопросов была и практика авторского перевода с

Открытие форума. Татьяна Марченко и Сергей Кибальник

О Солженицыне. Севинч Учгюль и Галина Тюрина

языка на язык, и перевод на русский язык русских по происхождению и культуре авторов, перешедших в эмиграции на иностранные языки.

*Вдруг я совсем очнулся... Я в Черном море, на чужом пароходе,
зачем-то плыву в Константинополь (И. Бунин)*

Первое заседание («I. На пути в изгнание: русская литература в Турции. Издания, переводы, рецепция») началось с рассказа С. Учгюль об изучении русской эмиграции, литературы зарубежья и ее переводах в Турции. Это был неожиданный, новый ракурс для исследователей — не «русский Константинополь», а «русский Стамбул», и аудитория буквально засыпала оратора вопросами. Меньше всего думаешь, в связи с трагедией русского послереволюционного исхода, о фасонах дамских платьев или маникюре, а между тем были процитированы слова Кемалю

В шапочке мастера

Заседание первой мастерской. Татьяна Марченко,
Севинч Учгюль, Дмитрий Николаев

Ататюрка о том, что русские научили турков... пляжной культуре. К сожалению, до сих пор не выявленной в полном объеме, не доступной исследователям остается периодика этого раннего, константинопольского периода эмиграции, о чем посетовал модератор заседания Д.Д. Николаев (Москва, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН), рассказывая о своих изысканиях в этой области.

Ке фер? Фер-то ке? (Тэффи)

Казалось бы, следующая мастерская, посвященная особенностям и видам смеха в литературе эмиграции («II. Юмор в литературе русского зарубежья и проблемы перевода комического»), должна была поднять настроение аудитории. Однако проблемы передачи русской смеховой культуры средствами других языков оказались столь сложными и с таким трудом поддающимися решению, что после аналитического обращения Д.Д. Николаева к первым опытам перевода рассказов Н.А. Тэффи на английский язык у Ивоны Анны Ндяй, профессора Варминско-Мазурского университета (Ольштын, Польша), соредатора серии «Великие имена русской эмиграции» («Luminarze Rosyjskiej Emigracji»), где издаются книги, включающие в себя одновременно исследования разных сторон творчества писателей русского зарубежья и переводы их произведений на польский язык, появились довольно мрачные предчувствия относительно готовящегося тома Тэффи. Веселости собранию не добавили и рассуждения Нины Герра (Португалия) о «смехе обреченных»: речь шла о «Солнце мертвых» И.С. Шмелева, только что появившемся на португальском языке в переводе Нины и Филипе Герра (задача которых кажется совершенно грандиозной и, хотя и не без труда и потерь, реализуемой — познакомить португальского читателя с русской литературой. Желательно со всей). Однако идеи и решения, предлагаемые собравшимися профессионалами как в частных случаях, так и по некоторым принципиальным проблемам сохранения смехового импульса переводимого произведения, вселяли оптимизм в отношении издания той же Тэффи на других языках — но не серьезно-меланхолической, какой она известна на Западе, а невероятно смешной, бурлескно-веселой рассказчицы.

Последний луч какого-то чудного русского дня (Г. Адамович)

Первый день завершился обсуждением двух сообщений о переводах прозы Ивана Бунина («III. Иван Бунин в переводах на иностранные языки»). Выступление Доротеи Троттенберг (Базельский университет, Швейцария) и Златы Коцич (поэта, переводчика, редактора художественной литературы из Белграда) ведущая мастерской, Т.В. Марченко, охарактеризовала как «лед и пламень», имея в виду почти сухой отчет «о проделанной работе» и выплеснувшийся на слушателей «душевный жар». Отвечая на вопросы, Д. Троттенберг счастливо проговорила: десять лет она «живет с Буниным». Проект кажется почти невероятным — из задуманных 12 томов сочинений Бунина (Dörlemann Verlag, Цюрих) вышло уже 8 томов, и только первый не в переводе Доротеи; ей еще предстоит вместе с Буниным написать — по-немецки! — «Митину любовь» и «Солнечный удар», «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи»... Восьмой том носит название «Весна»

Злата Коцич

Доротея Троттенберг

(«Frühling») и содержит 14 рассказов, написанных в 1913 г.; среди них «Чаша жизни» и «Я все молчу» с его мрачным рефреном, как предвоенная, предреволюционная угроза перекликающимся с пушкинской ремаркой «Народ безмолвствует». Но это уже — послесловие к форуму: очередной том в Дом русского зарубежья принесли год спустя после форума те, чьи имена вынесены на обложку: переводчик (Доротея Троттенберг) и редактор бунинского многотомника Томас Гроб (профессор Славянского семинара Базельского университета).

В продолжение разговора о Бунине на посвященной его творчеству переводческой мастерской Александр Ницберг (Вена), профессия которого состоит в переводах русской поэзии на немецкий язык, поинтересовался, не планируется ли перевод стихов Бунина. Ответ немного озадачил аудиторию — прежде всего российского слушателя: оказывается, и «рассказы плохо продаются, нужен роман» (!). Со стихами еще сложнее (и тут участники мастерской не отказали себе в удовольствии подискутировать о связи поэтического и прозаического творчества Бунина). Между тем, как рассказала Доротея, у сочинений Бунина отличная критическая пресса, особенным же успехом пользуются «Окаянные дни». Злата Коцич озвучила очень субъективное, поэтическое эссе о своем восприятии прозы Бунина и переводческой работы в целом. Это ее образом — «хождение по раскаленным

углям» — мы воспользовались для названия к нашему отчету. Кажется, собравшиеся прекрасно поняли и разделили мысль Златы о работе переводчика: боль и восторг, громадный труд и эйфория от получившегося проникновения в суть текста, перевоплощение в своего автора.

Соловьиным тремоло на весу... (М. Цветаева)

Три мастерские работали и на следующий день. С утра Е.М. Солонович — поэт, крупнейший переводчик-итальянист и профессор Литинститута — вел мастерскую по поэтическому переводу («IV. Переводчик как соавтор, или Феноменология поэтического перевода»), пользуясь метафорой из его стихотворения, по тому, как переводчик пробивается к автору «сквозь туман герметических строчек», через поиск конгениальных подлиннику стихотворных ритмов и интонаций, образов внешних и скрытых в ассоциативно-аллюзивной природе насыщенного поэтического слова. Анна Беднарчик (Лодзь, Польша) — единственный профессор-русист в Польше, чья область исследований — теория перевода, — рассказала об истории перевода поэзии Марины Цветаевой в Польше, поделилась своими

муками и озарениями, одно из которых, кстати, случилось в Москве, в гостинице, после простой беседы с коллегой, и позволило завершить работу двух месяцев (над несколькими четверостишиями!). Марилена Реа (Сиена, Италия), в багаже которой переводы лирики, эпики, драматургии Цветаевой, озвучила собственные решения в передаче строфики, ритмики, рифм, аллитерации и т. д., назвав свои находки — и приведя этим замечанием в восторг Е.М. Солоновича — эвристическими. Наконец, к необычайно сложной теме — поэтической цитатности — обратился в своем докладе А. Ницберг. Его примеры поиска замещающих образов и поэтических выражений — при переводе, например, В. Ходасевича или Г. Иванова — в немецкой поэзии показались блистательными. Хотя, разумеется, несущими на себе отпечаток личности переводчика, быть может, в не меньшей степени, чем переводимого автора. И вновь прозвучало эссе Златы Коцич — «от земных ступеней к воздушным» назвала она и поэтическую эволюцию Цветаевой, и опыт ее поэтического перевода.

Поэтическая мастерская.

Анна Беднарчик, Евгений Солонович, Александр Ницберг, Марилена Реа

К чужому-то свое не прирастает (И. Шмелев)

Обсуждая «миф об утраченной России» в литературе эмиграции («V. Миф об утраченной России в прозе и поэзии русской эмиграции и его интерпретации в зарубежных переводах»), переводчики и исследователи — не только докладчики (И.А. Есаулов, профессор Литинститута им. А.М. Горького, и Н. Герра), но и участники дискуссии (А.В. Бакунцев, Дом русского зарубежья) спорили о природе произведений прежде всего Бунина и Шмелева. И.А. Есаулов привлек внимание к тому, под каким углом зрения «переписывал» свою Россию в эмиграции Бунин, как менялся взгляд писателя на одни и те же явления. Собственно, той же утратой отечества объяснялась и поэтизация, даже идеализация утраченного отечества в «Лете Господнем» Шмелева. Эпиграфом же к этому обсуждению можно было взять слова из книги И. Лукаша о «Гелиболу», которую анализировала С. Учгюль: «как солнце, Россия горит в наших душах». И какой-то особой радостью и свежестью

Мария Соколова

овевало аудиторию выступление Марии Соколовой из Казани. Назвав себя «подмастерьем» на workshop'e признанных мастеров, она рассказала о судьбе внучки Е.А. Боратынского — Ольге Боратынской-Ильиной, писавшей в юности стихи, оказавшейся в 1923 г. в эмиграции в Америке и ставшей автором произведений на английском языке. «Белый путь» писательницы недавно издан в переводе на русский язык (М., 2013), а сейчас молодая переводчица (свободно владеющая английским и испанским) работает над переводом еще одной мемуарной книги своей землячки, чей архив передан в музей ее прославленного деда, — «Посещения Императорского Двора» («Visits to the Imperial Court»).

Вот звон путеводной ноты (В. Набоков)

Едва ли не впервые в Доме русского зарубежья собрались набоковеды («VI. Безумное дело перевода: casus Nabokov»). Трудно найти не только в русском зарубежье, но и в мировой литературе casus, сопологаемый с перипетиями «безумного дела перевода» набоковских текстов. Перевода кем? Самим писателем — самого себя? Но на какой язык? Блистательным эссе ввела слушателей в проблему О.Ю. Сконечная (Москва). В обстоятельном докладе А.А. Бабикова (Москва), обратившего внимание на стилистические новшества писателя в 1972–1977 гг., было продемонстрировано, с чем приходится сталкиваться при переводе поздней английской прозы писателя на русский язык. Сопоставив набоковский автоперевод «Лолиты» (1965) с его русскими романами 1930-х гг., исследователь пришел к выводу, что стиль позднего Набокова значительно отличается от стиля Сирина и дает богатый сопоставительный материал переводчику его поздних романов (в этой роли выступает и сам докладчик). Нарочитая стилистическая эклектичность русской «Лолиты» заставляет переводчика искать собственные решения для поиска той «путеводной ноты», без которой удачный перевод невозможен. Тему продолжила В.Б. Полищук (Санкт-Петербург), рассказав не только о том, как Набоков перевел роман эмигрантского времени «Король, дама, валет» на английский язык, но как он переписал его, продлевая до логического завершения некоторые сюжетные ходы и меняя образность, в чем сказался опыт, обретенный им самим и всем миром в предвоенное и военное время. Элен Анри-Сафье (Сорбонна, Париж) раскрыла специфику создания — иначе не назовешь — сборника «Poems and Problems» даже не просто по-французски, но на французском как на третьем языке, присоединившимся к стихам на русском и английском из этой книги (где есть, кстати, еще и шахматные задачи). Какая виртуозность при неизменном священном трепете перед великим мастером, и, право, замена русской черемухи на цветущий весной в местах более южных шиповник — самое легкое решение из озвученных Э. Анри-Сафье. Кстати, многие вопросы, возникающие в «случае На-

Набоковеды

бокова», могут в какой-то мере способствовать и при переводе других русских авторов — например, в поиске соответствующей имплицитной цитаты из другой словесной культуры и под.

Общение переводчиков и исследователей, поэтов и все-таки прежде всего переводчиков завершилось совместным круглым столом, воистину интеллектуальным пиршеством. Предводительствовала Елена Костюкович (Италия). Началось с ерунды, с забавного казуса — непереводимой русской бани, а поднятыми оказались проблемы важные, животрепещущие — и при переводе с русского языка, и при переводе на русский язык — с итальянского или английского, и при автопереводе (так, Вера Полищук рассказала о предпринятом ею переводе книг сказок — собственных сказок, о Настоящей Принцессе, живущей в настоящем Петербурге, — на английский язык, чтобы весь мир узнал волшебный мир — или волшебный миф? — северной столицы). Конечно, невозможно было обойти и издательские проблемы — сформулированные Н. Герра как «с незнакомцами не знакомлюсь». Но главными все-таки были проблемы, потери, радости и обретения литературного перевода. Едва ли не последней поднялась И.А. Ндяй и рассказала о затруднении, в котором они оказались с коллегой, работая над переводом стихотворения матери Марии (Скобцовой). Переводчиков

*О русской поэзии по-итальянски,
об итальянской поэзии по-русски*

смutila «грехами перегруженная бадья» и навела на мысль об опечатке — быть может, ладья (погребальная)? Поиск решения оказался коллективным: строка Мандельштама, озвученная Е. Костюкович, лексически точное замечание Н. Герра, чеховская ремарка, вспомнившаяся Т. Марченко, — и перевод пропитанного образностью русской классики и Серебряного века стихотворения Е. Кузьминой-Караваевой на польский язык состоялся.

За два вечера участники и гости форума, московские читатели, интеллектуалы могли встретиться с четырьмя писателями, пишущими по-русски вне России. Живущая в Финляндии Людмила Коль представила свои литературные проекты, реализуемые в этой стране на русском языке (журнал «LiteraruS»). Ирина Муравьева (США) рассказывала о своей жизни в мире, живущем внутри нее, не совпадающем с границами ее нынешнего или прежнего, московского, бытия, и читала кружевную, романтически-ироническую прозу о своем начальном опыте эмиграции. Алексей Макушинский, прозаик, эссеист, поэт (и преподаватель кафедры славистики университета Майнца, Германия) читал и стихи и прозу, отвечал на многочисленные вопросы, прежде всего о романе, который пристально изучали научные сотрудники Дома русского зарубежья, — «Пароход в Аргентину», речь в котором идет о судьбах поколения, попавшего в горнило революции и Гражданской войны, Второй мировой войны и трагедии «дипи», и о профессиональном успехе, о состоявшихся творческих личностях. Наконец, как залпами салюта завершается праздник, так и Елена Костюкович (Милан) — автор бестселлера «Еда», раскрывающего тайны и прелести итальянской жизни и культуры, переводчица на русский язык Умберто Эко и автор романа «Цвингер», который уже сама и на итальянский язык полуперевела, полупереписала (привет Набокову), в упоении рассказывала в упоении внимавшему ей залу о жизни, судьбе и литературе. С поистине академической невозмутимостью и знанием предмета вечер

Творческий вечер Алексея Макушинского

Творческий вечер Елены Костюкович

вела М.А. Ариас-Вихиль (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН), и эта встреча за одним столом, уставленным толстыми томами и цветами, бывших-почти-однокурсниц придавала вечеру особую дружески-заинтересованную тональность: «Ты помнишь? кофточка-лапша? И я передавала записки Давиду Самойлову в ЦДЛ...»

Было бы несправедливым обойти молчанием искусство. Это музыка, которой украсила форум Е.В. Кривцова (Дом русского зарубежья), сделав замечательные видеомузыкальные презентации по теме форума, а также пианист А. Покидченко, игравший Скрябина и Рахманинова. И — поэтическое слово. Александр Ницберг, профессионально выступающий с чтением стихов, подготовил замечательную программу из стихов Игоря Северянина (в том числе и со знаменитыми «ананасами в шампанском», прозвучавшими и в переводе чтеца на немецкий язык), которой открылся форум и которая так и озаряла его радостью, «искристостью и остротой», тем более языки и страны смешивались почти так же, как в знаменитом стихотворении. И, конечно, подмешивала в это светлое настроение ноту ностальгической грусти — ведь собравшиеся имеют дело с литературой русского рассеяния...

Форум придумали, подготовили и провели при финансовой поддержке Российского книжного союза Т.В. Марченко (заведующая отделом культуры российского зарубежья научно-исследовательского центра Дома русского зарубежья) и С.В. Романова (заведующая сектором «Русский язык в странах рассеяния» отдела международного и межрегионального сотрудничества), с признательностью за помощь и поддержку Е.В. Кривовой, Е.В. Кривцовой, М.В. Максимова, Н.В. Романовой, Г.А. Чикановой.

*Светлана Романова.
Все получилось*